

Источник: Савченко Г. О «чудотворцах» / Г. Савченко // Семья и школа. — 1958. — № 11.
— С. 39-41.

О „ЧУДОТВОРЦАХ“

Георгий САВЧЕНКО

Шелестнув, закрылась последняя страница. Повесть прочтена. Еще слышатся спокойные и умные слова учительницы Парасковьи Петровны: «Нет, отец Дмитрий, людского осуждения боятся только те, у кого нечиста совесть...» — а все мысли уже сосредоточиваются на Родьке, этом мальчишке, чуть не угодившем в «святыи».

Что же такое стряслось в селе Гумнищи?

В разорванном рекою Пелеговкой берегу Родька нашел клад. Оказался он дощечкой с намалеванным темным человеческим ликом. Взять бы Родьке, да и швырнуть ее в разгулявшуюся Пелеговку — и делу конец. А он — нет. Притащил домой. Глянула Родькина бабка Грачиха на дощечку и закрестилась: «Свят, свят... Ведь это, милые, чудотворная с Николы Мосты...».

Вознесла Родьку «чудотворная» икона, а потом так ударила, что едва жив остался.

Повесть «Чудотворная», о которой я завел разговор, принадлежит перу В. Тендрякова, зарекомендовавшего себя талантливым писателем. Он и в новой повести остался верен себе. Она отличается злободневностью, остротой содержания, яркостью и определенностью характеров.

Русские — в силу определенных исторических условий — отличаются своим атеизмом. Об этой народной черте верно говорили многие писатели и в прошлом, и сегодня. Вспомните, как тонко подмечено у Сергея Есенина, когда его дед в поэме «Возвращение на родину» говорит:

...Теперь и богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...

Есенинская ирония легка, но вполне ощутима. Нет, не верует этот дедушка в господа бога, а так уж, больше по привычке молится. Сняли внуки иконы, так он ходит в лес к осинам на всякий случай, на русское «авось». Авось на том свете пригодится, если только он есть, этот самый «тот свет».

А сколько знаем мы народных сказок, рассказов, басен, легенд, где высмеиваются попы, дьяконы и прочие «служители бога».

Обладая этой здоровой чертой, так легко, в основной своей массе, ушли русские после революции от церкви.

Но кое-кто остался. Есть среди них искренне заблуждающиеся люди, которым нужно помочь, растолковать истинную сущность явлений. И в большинстве случаев

они начинают сознавать, что бога нет, а если еще тайком и веруют, то опять-таки на «авось».

Есть же люди, «заблуждающиеся» по-другому. Они смотрят на веру как на своего рода бизнес. Желание обогатиться и властвовать эти люди пытаются прикрыть лицемерной верой в бога. Именно такие «верующие» являются подлинным злом. Они живут за счет людей заблуждающихся, и они же «разводят» этих людей, как муравьи тлю.

Но обычно все это старые люди. И можно было бы даже так решить: ну что поделаешь с ними? Люди жизнь прожили. Их уж не переделаешь! Пусть себе верят, церковные пороги обивают, постытятся... Какой от них вред?

Я слышал такие разговоры верующих о повести В. Тендрякова:

— Злой писатель! Исказил нас. Уродами бесцерковными написал, злыднями какими-то сделал. А мы что? Нам свечечку поставить за душу усопшего — разве грех?

Мне известно, что и сам В. Тендряков получил много писем от верующих, и в некоторых из них содержится подобная критика повести «Чудотворная».

Может показаться, что В. Тендряков исказил правду, превратил кошек в тигров.

Знал я, например, старую монашенку, некую мать Наталью. Совсем недавно она, как говорится, отдала богу душу. А поскольку к этому событию она готовила себя всю жизнь, отказавшись от земного, то, верно, сидит сейчас где-нибудь в райском саду и кушает золотые яблочки.

Была она скромная такая, аккуратная старушка. Как увидит тебя, так почти что за версту начинает кланяться. И взгляд у нее мягкий, и голос вкрадчивый. О здоровье всегда спросит, добра всякого в жизни пожелает. Если ей кто-нибудь о чем-либо пожалуется — внимательно выслушает, скорбехонько головой покачает, да еще, как быть, посоветует, голосом теплым проворкует, словно траву на сердце положит. Всем, кажется, хороша старушка, живет себе на окраине Павловского Посада скромно, богу молится, обряды блюдет...

А у В. Тендрякова — Грачиха, Жеребиха, Агния Ручкина, Мякишиха — старухи одна отвратительнее другой уже по одному описанию их внешнего облика. У Грачихи «в сухой смятости перевитых коричневых морщин и морщинок беспокойно и цепко глядят желтые глаза». У Жеребихи, согнутой пополам, глаза и того страшнее — черные, но без «блеска, как подмоченные угольки». И наконец это тошнотворное существо Киндя — пьяный обрубок, получеловек...

Вернемся, однако, к матери Наталье. Поселился у нее один мой знакомый студент-комсомолец из Москвы. Был он парень одинокий — отец и мать погибли

* В. Тендряков, «Чудотворная», журн. «Знамя» 1958, № 5.

во время войны. Спустя полгода после его пребывания в Павловском Посаде я с ним снова встретился. И вижу — изменился он. В лице появилась тревога, неуспокоенность.

— Сегодня мне опять белая лошадь ночью явилась, — сказал он и, нахмурившись, простонал: — О-ох, плохо-то! Опять за мной посылают...

Глаза его устремились ввысь, и он что-то неистово зашептал.

Что за чушь?

Студент говорил серьезно, и я не мог полагать, что он шутит. Потом выяснилось, что он был физически болен. Мучивший его недуг кто-то сумел ловко использовать, вдолбив ему веру в господа бога. Но кто? И тут я вспомнил про «милую» мать Наталью. Упомянул о ней студент всегда с каким-то трепетом...

Вот — сила! Если она сумела студента-комсомольца так окрутить, то уж что говорить о тех малограмотных девушках, которые встречаются на фабриках Павловского Посада. Они-то ведь часто забежали к матери Наталье, я это знал. А в результате — не ходят в клуб, а ходят в церковь. Психика их подорвана, они подвержены предрассудкам. Среди них были случаи психических заболеваний и самоубийств.

А где-то в тени за всем этим стояла скромная «божья старушка».

Значит, одно дело внешняя сторона явлений, другое — их сущность. В Тендряков в своей повести как бы перенес внутреннее содержание своих героев на их внешние черты. Сразу, с первых страниц повести, сорвав маску с этих «верующих», он показал их подлинное лицо. Поэтому и Грачиха, и Жеребиха, и Киндя, и все другие являются образами обобщенными, типическими.

Как художник, В. Тендряков метко сосредоточил конфликтный узел на одной семье. И здесь, в семье, он сконцентрировал все внимание на Родьке. Это правильно потому, что, как известно, при любом конфликте в семье, а тем более таком жестоком, страдают прежде всего и больше всего дети.

Оправдываются ли все поступки Грачихи заботой о внуке? Из повести этого не следует. Родька для Грачихи все равно, как «пригульный». Грачиха корит дочь Варвару, что та так неладно вышла замуж, что нет в доме мужчины и всю «мужицкую» работу приходится делать ей самой: «Обвалится столб у калитки — бабка бралась за топор, кланяя непутевого муженька своей дочери, и, призывая господа бога, святую деву богородицу, обтесывала новый столб».

Грачиха — бабка старого склада. Свой дом, свое хозяйство — вот что прежде всего, дороже всего Грачихе. «Умру, похороните — расплзется дом, как прелый гриб» — об этом она беспокоится, а не о благополучии Родьки.

Поначалу может показаться, что и Варвара не очень-то печется о Родьке. Но это совсем не так. Варвара любит Родьку. Правда, любовь ее порой граничит с безрассудством.

Главное отличие Варвары от Грачихи заключается в том, что Варвара выступает здесь в роли той тли, которую сосут «верующие» муравьи, подобные Грачихе, рассматривающие веру как выгодное дело, сулящее обогащение. Варвара искренна, Грачиха лукава. Это она, заменившая в доме «хозяйина» и привыкшая властвовать, подчинила своей вере дочь Варвару: «Каждый вечер, направив лицо в угол, заставленный иконами, Варвара шепчет: «Помоги господи!» И так уже много лет. Но как же это случилось?».

Характер у Варвары слабovolный — не в мать. Все она чего-то ждет. Сначала это были долгие, томительные ожидания мужа, то ли на войне погибшего, то ли просто ее бросившего. Прошли годы, а он так и не вернулся. Тогда, под воздействием Грачихи,

она обращается к богу. А вот, он поможет, сотворит чудо.

И «чудо» сотворилось! Ее сын Родька нашел пропавшую чудотворную икону. Тем самым в глазах верующих он становится «святым отроком», «избранныком божьим».

Вот с чем столкнулась Варвара. И что же ей оставалось делать? Ей ли не радоваться теперь такому счастью! Вот она — божья благодарность. Права была Грачиха: молилась Варвара господа, а он и не забыл, ее чадо своей милостью отметил, Варвара, окруженная верующими старухами, кажется, видит уже ангельские крылышки на спине своего сына.

Если Грачиха себе на уме, знает, что делает, то Варвара лишь жертва, жертва не столько самой веры, сколько алчности «верующих». Ей, как и Родьке, невдомек, что «чудотворная» икона — ценнейший клад, пахнущий несметными богатствами. Ведь некогда ради этой иконы неподалеку от Гумниц выстроили целый храм. Золотая реченька текла тогда в сумки «служителей бога» от обманутых паломников, которых тянуло на икону, как мух на липучку.

Варвара не в силах увидеть истинную правду вещей. Она не в силах понять, почему так настойчиво пытается Грачиха надеть на Родьку крестик и приобрести его к вере. Зато это прекрасно знают тендряковские старухи.

Ведь если этого не случится, если не сойдет на Родьку «просветление божье», то едва ли народ поверит в чудотворность иконы.

За Родьку начинается борьба.

И когда дело принимает серьезный оборот, на сцену появляется отец Дмитрий.

Это хитрый «чудотворец». Так просто к нему не подступишься. Он выступает в повести идеологом Грачих и Жеребих. Как бы заранее обеляя себя, он кивает на кого-то: «Не скрою, среди нынешних священнослужителей есть всякие. Есть ловкачи, греющие руки на приходах...» Сам отец Дмитрий считает себя другим: он-де печется об интересах государства, об интересах народа...

Если бы отец Дмитрий не был лишь литературным персонажем, то его можно было бы познакомить с неким исцелителем Ж. ...

Живет он под Москвой. И живет припеваючи, так как слывет модным гомеопатом. Попасть на прием к нему дело не простое. По месяцу стоят люди в очереди. И вот, когда наступает долгожданный день, вам предлагают проехать на подмосковную дачу. Вы видите добротный новый дом, гараж с «Волгой», хлев, сад... У крылечка вас встречает тощая, бледная женщина в черном. Она глядит на вас круглыми впавшими глазами и, осторожно касаясь ваших пальцев своей прозрачной рукой, ведет в кабинет исцелителя Ж. Здесь вы пребываете некоторое время одни. В глаза вам бросается икона, старая, потрескавшаяся, тоже, видимо, «чудотворная». Дав вам возможность «настроиться», входит и сам исцелитель Ж. Красногоржий, тяжело посапывая, он роется в толстых книгах, бодро выписывает рецепты и не забывает небрежно сбрасывать в ящик стола мятые «полсотни».

Кто же ходит к этому «исцелителю»? Люди, как принято говорить, темные, те люди, которых приобретает к вере отец Дмитрий.

Зачем понадобилось гомеопату вешать в своем кабинете икону, а секретаршей делать монашенку? Дело в том, что он довольно-таки слабый врач и на свои познания в медицине как на источник больших доходов положиться не мог. Вот и появилась икона, монашенка, появились и прихожане.

А сам «чудотворец» Ж. плывать хотел на бога! По вечерам, опившись до одури водкой, он носится по

В. КОЖЕЛОВ

ЖАЛОСТЛИВЫЙ ХОРЕК

— Какой позор!—
Хорьку сказала Галка.—
Осел за двойки
бьет Осленка
палкой.
— Малютку?
Палкой?!
Экая свинья!
Неужто нет у изверга...
Ремня?!

ПРО СЛОНА

Узрев зайчат под елью
с папиросой,
Слон закричал:
— Эй вы, молокососы!
А ну-ка, подойдите, говорю!!
А ну-ка...
Дайте спички — прикурю!

Рисунки М. Куярача

своим дачным владениям в одном исподнем белье, кукарекая и мыча.

Отец Дмитрий, конечно, не позволит себе ничего подобного. Этим только он и отличается от «исцелителя» Ж. Не любит отец Дмитрий никакого шума. Для него любая огласка «как солнечный свет кроту». Поэтому скользок он как угорь, — никак его не уцепишь.

Да, в трудный переплет попал Родька. Окружили его со всех сторон «чудотворцы», вот-вот к своим рукам приберут. И Варвара, ослепленная совершившимся «чудом», тоже ему не защитник. Одна есть защита для Родьки — школа. Только учительница Парасковья Петровна решительно выступает в повести за Родьку.

В. Тендряков не побоялся правды жизни и показал те трудности, с которыми пришлось столкнуться учительнице. Ведь в ее руках не было ни прав на Родьку, ни каких-нибудь статей закона.. И вот с одной стороны в Парасковью Петровну летят утюжки-подпорки пьяного калеки Кинди, которым безмолвно руководят «верующие» старухи, с другой — льется липкая речь отца Дмитрия:

«... Каждый смотрит на вещи по-своему: вы так, а я эдак... а закон для всех один. Если б закон стал устанавливать порядок вероучения внутри семьи, то он наверняка запутался бы, не нашел, что можно дозволить, а чего нельзя... Поэтому закон мудро предоставляет семье решать вопросы веры без его помощи».

Ловок отец Дмитрий, и он полагает, что выиграет сражение за Родьку.

Но все-таки «чудотворцы» просчитались! Они забыли, в каком веке и в какой стране живут. Родька, воспитанный советской школой, Родька-пионер сам «прозрел», но прозрел не так, как хотелось бы это «верующим». Он схватил топор и разрубил «чудотворную» икону. Конечно, в Родькином «прозрении» огромную роль сыграла его учительница Парасковья Петровна.

Таким образом В. Тендряков удачно показал, что с влиянием церкви на детей можно и нужно бороться. Многие, услышав речи «святых отцов» о том, что закон-де не запрещает свободы вероисповедания, опускают руки. А вот Парасковья Петровна этого не сделала.

Повесть «Чудотворная» убеждает нас, что любые нежелательные явления в семье, которые не подчиняются статьям закона, — не могут устоять против передового общественного мнения, против людей, выражающих это мнение. Общественного же мнения «святые отцы» страшатся больше всего на свете.

А мать? Как же она проглядела Родьку?.. Трагедия Варвары, трагедия матери, чуть не лишившейся сына, весьма поучительна для многих. Она настораживает прежде всего самих родителей, и еще раз убеждает, что всякое учение о боге, преподносимое даже самыми близкими, родными людьми, глубоко противоречит сознанию нашей детворы.

Есть родители, с легким сердцем разрешающие бабушкам «крестить» новорожденных в церкви.

— Пусть себе потешатся старики, — рассуждают они. — А худа от этого не выйдет...

Ошибаетесь! Все начинается с малого. Сегодня ребенка только окрестили, а завтра... завтра станут на сильно надевать ему на шею крестик!

Решительно оградить каждого ребенка от церкви — в первую очередь долг самих родителей. Они должны помнить, что «чудотворцы» ради своих корыстных целей не остановятся ни перед чем, даже если придется искалечить и отравить светлое сознание ребенка.